

И. М. СНЕГИРЕВ

<Лютеранские и реформатские церкви в Москве>

<Фрагменты>

С царствованием Петра I началась новая эпоха, благодатная для реформатской и лютеранской церквей, эпоха веротерпимости, уже не только вынужденной политическими видами, но основанной на каком-то сознании; ее тайно отстаивал Феофан Прокопович; против нее явно вооружался Стефан Яворский в книге своей: *Камень веры*; жертвою был издатель ее, архиепископ Феофилакт Лопатинский¹.

Тогда немецкие кирки не только были терпимы, но и пользовались покровительством государя, преследовавшего суеверия и расколы; иногда он посещал такие кирки в дни богослужесные*, даже сам певал там духовные песни, как видно из одного *Gesangbuch*; был восприемником при крещении детей у немцев, а в Голландии напечатал Новый Завет на славянском с голландским переводом**; при нем появилось на русском *Изложение Аугсбургского исповедания*, которое хранится между рукописями в Патриаршей библиотеке, № 352, под заглавием: «Об августанском исповедании». Августанское исповедание, сказано там, «есть символ публичный неких церквей Германских о изящнейших веры главах, от Божия Слова списанный и утвержденный, и в Августе Винделицкой, сиречь в Авшпургу, на сейме Цесарском Каролу пятому Цесарю

* *Universa religio Ruthenica, sive Moscovitica*. In Freystadt. 1698, in 12. Pag. 117.

** Под заглавиями на славяно-церковном с голландским переводом: 1. Книга Евангелие напечатана языком российским, повелением Царского Величества в С.-Петербургской типографии 1718 г. октября 17; 2. Книги Деяний и посланий св. Апостолов, там же, 1719 г. в лист; голландский текст напечатан в Гравенгале в то же время.

поданный, ради извещения и отражения клевет от противных». Именным указом Петра I (1723, января 16) «повелено было собрать *римский, лютерский и кальвинские* катехизмы и прочия церковных действий книги, и переведши на славянской диалект, для знания и ведения напечатать»*. Но это намерение не позволила исполнить вскоре последовавшая смерть государя-преобразователя. Пристрастие Петра I к немецкому до того простиралось, что он даже изменил старинный стиль православных церквей, которые стал строить в стиле немецкой архитектуры, как видно из храмов, сооруженных в его царствование.

За такую терпимость лютеранства и особенное покровительство немцам укоряли царя Иоанна Васильевича бояре, а Петра Первого крамольные стрельцы. Не так благосклонно смотрел на лютеранство в Москве предпоследний патриарх Иоаким. В духовной своей 1690 года он завещает царям Иоанну и Петру: «повелеть царским своим указом христианам православным во своей державе со латины, люторы и калвины не творити общения к содружеству, запретить им вер своих проповедовать, во укоризну о вере не разговаривать ни с кем, и мольбищам бы, по прелестям их соборищ еретических, строити не давати места всеконечно; но которые зде и есть, близ, или между христианских домов, и те разорить годно и должно, яко диавольския сонмища». «Несть убо добро, — говорит Иоаким, — еретику человеку, неправославну существу, христиане православными, во благочестивой царской державе, владети и начальствовати и судити тыя». То же самое подтверждал Петру I св. Митрофан Воронежский в своей духовной.

Но Петр, как видим, не исполнил такого завещания двух святителей, несогласного с его политическими видами и личными убеждениями**. Пастыри отечественной церкви, как поборники православия, признавали в крутых преобразованиях и нововведениях предосудительным для веры многое, что находил полезным для народа государь, с увлечением заботившийся о просвещении. Если бы он не имел такой цели в обнародовании Лютерова и Кальвинова учения в государстве на отечественном языке, то можно бы отнести это к его индифферентизму.

При таких обстоятельствах в России, Бартольд Вагеций², вызванный 1699 г. из Гамбурга в Москву, 1711 г. назначен был су-

* Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 41, 43.

** Древняя российская вивлиофика. Ч. IV. СПб., 1774. С. 125 и 126.

перинтендентом всех лютеранских церквей в России. Позволив немцам соорудить близ лефортовского дворца новую каменную кирку во имя св. апостолов Петра и Павла, с колокольнею и колоколами, Петр Великий сам при закладке ее положил первый камень, а немецкие писатели даже утверждают, будто он построил ее на собственное иждивение. Петр в своем лице, конечно, старался снять с русских вековое нареkanie в религиозной нетерпимости.

Эта самая кирка, вероятно обязанная своим началом Бауману и известная под именем *Новой обедни*, в 1802 г. праздновала свой столетний юбилей; но в 1812 г. сгорела. Наконец, с дозволения правительства, она переставлена на Маросейку, в дом сенатора И. В. Лопухина, некогда принадлежавший Мазепе. На этом месте в 1818 г. сооружена новая церковь. При торжественной ее закладке 13 июля 1818 г. прусский король Фридрих Вильгельм III, крон-принц прусский Фридрих Вильгельм и великий герцог Карл Мекленбург-Стрелицкий собственными руками положили камни в ее основу.

Из предыдущих свидетельств видно уже, что в разных частях Москвы было немало лютеранских и протестантских молитвенных домов, большею частью деревянных; но как они нередко переводились из одного двора в другой и пожары, опустошавшие Москву, истребляли их, то число, время и местность их с точностью определить трудно.

Из дел иноземского приказа открывается, что в 1690 г. было в Москве уже пять иноверческих церквей, построенных на тех местах, которые отвел им земский приказ. Первая стояла между Фроловских и Покровских ворот Земляного города; вторая сооружена была в 1655 г. в Немецкой слободе возле кладбища; третья на месте, отведенном того же года, где в 1690 г. сооружена каменная, вероятно *Старая лютеранская*, или *Старая обедня*; четвертая на дворе, отведенном в 1661 г., пятая, построенная Бауманом на земле, на которую получена данная 1670 г. Это *Новая лютеранская кирка*.

